

**ТРАКТАТ ДОМА ФОМЫ, МОНАХА ОБИТЕЛИ РЁЙ, О ЖИЗНИ ДОСТ.
ОТЦА, ДОМА ПЕТРА, АББАТА КЛЕРВОСКОГО**

Фома Рёйский

*Пер. с лат. VITA VEN. PATRIS DOMNI PETRI ABBATIS CLARÆ-VALLIS, auctore Thoma
monacho de Radolio, ex codice Trecensi. // AA.SS. Octobri T. XIII pp. 68-82*

В переводе Константина Чарухина

ПИСЬМО ДОМА ФОМЫ МОНАХА О ЖИТИИ ДОМА ПЕТРА, АВВЫ КЛЕРВОСКОГО.

[1] Господину и другу Готье, аббату Лонпонскому, брат Фома, монах обители Рёй, желает здравствовать.

Когда настоятель Адам, ваш и наш предшественник и сотоварищ, был ещё жив, мы втроём многократно беседовали о предметах, для души явственно полезных, причём я, многократно приводя примеры [поступков мужей] благих, часто просил вас предать их письмам, сам же, сознавая свою слабость в красноречии, конторки и пера избегал. Однако страшась, с другой стороны, оказаться виновным в умолчании, я набросал кое-какие заметки о доме Петре, аббате Клервоском. Эту рукопись я посылаю вам. Если найдётся в ней какая погрешность в содержании или помимо одного, то есть в правописании или построении предложений, то препоручаю вам исправить её, [руководствуясь вашим знанием] языка и разумением. Ведь я по некоторым причинам, а прежде всего из-за помрачения глаз, не смог ни в достаточной мере отточить работу, ни [хотя бы] на медвежий манер облизать новорождённого детёныша, обработав подобающим образом бесформенный и сырой материал. Если рукопись окажется недостойной света, закопайте её; если же не должно ей быть погребенной, явите её «пред Ефремом и Вениамином и Манассиею» (Пс. 79:3), сиречь богобоязненными, коим то, что Божие, подобно мёду для гортани сердца (ср. Пс. 118:103). Ибо вечно превозносящаяся гордыня богоненавистников презирает и насмехается над такого рода [книгами], не чураясь клеветы и на писателей их. Итак, как жемчуг не подобает метать перед свиньями, так и святого, о коем мы написали, отдайте не псам, но тем, кто от Христа научился быть кротким и смиренным (ср. Мф. 11:29). Вдруг таковые найдут в письменах наших немного покоя душам своим (ср. там же).

НАЧИНАЕТСЯ ПРОЛОГ К НИЖЕСЛЕДУЮЩЕМУ ПРОИЗВЕДЕНИЮ

[2] Поскольку Всевышний никогда не престававал многочисленными и многообразными способами править Церковью, которую Сам основал, никогда не престававал прославлять мужей, отмеченных добродетелями и знаменами, что свершается по особой небесной благодати, так как от сего укрепляется вера и побуждается ревность по добродетели, то наделил Он её (Церковь) неиссякаемой силой, что явствует из преданным записи исторических повествований от поры самого телесного явления Спасителя вплоть до нашего времени, то есть года от Его воплощения тысяча двести четвертого. Однако во время сие по причине умножения беззакония во многих охладела любовь (ср. Мф. 24:12), отчего мы опасаемся даже затмения самой веры, ведь нет верных между сынами человеческими и не стало праведного (ср. Пс. 11:2). Так что пускай тот, кто, исполненный благодати и силы, совершал великие чудеса и знамения в народе (Вульг. Деян. 6:8), дерзновенно скажет: «Дела, которые творю Я во имя Отца Моего, свидетельствуют о мне» (ср. Ин. 10:25), или, скорее, о вере, каковой Бог постановил спасти верующих в Него.

[3] Первоначальная Церковь нуждалась в знамениях и откровениях и имела их изобилии; затем, возросши и повзрослев, она стала нуждаться в той же пище, чтобы то самое лекарство, которое доставило ей здравие, могло сохранить его. Но поскольку нет делающего добро, нет ни одного (Пс. 13:3), то думаю, что поступаю на пользу [душам], постановив воззвать из мёртвых (насколько справится перо моё)

мужа чудотворительного и для нашего времени необычайного, коего я видел, коего знал, Петра, аббата Клервоского: дабы, как при жизни он наставлял живых, так и по упокоении наставлял их же. А поскольку пребывает он, как мы бессомнительно верим, в вечности, то да пребудет он и в памяти людей, а именно для укрепления их веры и для возбуждения в них божественной любви. Однако от этого намерения весьма силится отвратить меня то соображение о себе, что в личном присутствии я немощен телом и речь моя презренна (ср. Вульг. 2 Кор. 10:10), и я боюсь обвинения в самонадеянности за то, что взялся за тему, которую подобало бы отложить для куда более искусного [писателя]. Ещё боюсь, как бы столь великого человека не оценили по описаниям бездарного сочинителя, а не по тому, каковым он являлся. Наконец, проведал я о нём мало; большая часть сведений до меня не дошла.

[4] Поэтому по прошествии уже нескольких лет после его смерти я молчал и слушал и поджидал, не найдётся ли кто из его ордена (то есть цистерцианского, где «множество мудрых — спасение миру» (Прем. 6:26)), в частности, такой, кто являлся бы предан ему и близок, который составит его жизнеописание. Но до сих пор я не нашёл такового и не слыхал о нём. Ведь любомудры сего ордена больше внимания уделяют молчанию, чем писательству. Итак, сия нехватка, устраняя первоначальные причины моего молчания, побуждает меня то немногое, что я о нём узнал от него самого и от благих мужей, собрать, подобно неким кускам, чтобы ничего не пропало (ср. Ин. 6:12), и как получится предать их письму. Вдруг по этому случаю какой-нибудь муж благородный и утончённого красноречия, в чьём слоге нет никакой грубой примеси, [моё сочинение], изложенное неправильно, переложит с соблюдением риторических правил. А сверх того, восполнит то, что оказалось нам неведомо об оном муже и чего в нашей книжице не хватает. И даже благодатью, излившейся из уст своих (ср. Пс. 44:3), обратит нашу грязь в серебро (ср. Прем. 7:9), изгарь нашу – в золото (ср. Ис. 1:22), наш ячменный хлеб в муку пшеничную (ср. Лев. 2:1), наши воды безвкусные – в вино (ср. Ис. 1:22), а горькие – в сладость (ср. Исх. 15:25). Притом, однако же, да не останутся неблагодарны мне за сей, какой бы он ни был, труд те, кто изволит прочесть сие, но напротив: да воздадут мне благодарность и приязнь. Теперь, поскольку, как было сказано до нас, неуместно увеличивать предисловие, а повествование сокращать (ср. 2 Мак. 2:33), доселе довольно пролога; давайте под покровительством Христовым вложим персты в повествование (ср. Ин. 20:27).

НАЧИНАЮТСЯ ДЕЯНИЯ БЛАЖЕННОГО ПЕТРА, АББАТА КЛЕРВОСКОГО

ГЛАВА ПЕРВАЯ. РОЖДЕНИЕ БЛ. ПЕТРА И МОНАШЕСТВО. ОН СТАНОВИТСЯ АББАТОМ ВАЛЬРУА И ИНЬИ.

[5] По родине Пётр был италиец, а по родителям, как говорят, мирским достоинством высокороден, что, однако, он всегда, насколько мог, с величайшей скрытностью таил.

И вот, юношей он, направляясь на обучение во французский университет (auditoria), приехал в Иньи. Сия обитель неподалёку от Реймса была в то время новым питомником цистерцианского ордена. Там, увидев небесное житие братии и воспылав любовью к Богу, он принял чин иноческий. «Благодати Святого духа не ведома надменная медлительность» (св. Амвросий Медиоланский, Expositio Evangelii

secundum Lucam, lib. 2, n. 19. ML 15-1560. 5 Luc. I, 40). Именно поэтому по действию в нём Того, Чьё слово течёт быстро (ср. Пс. 147:4), он вскоре так усовершенся, словно бы прошло много времени.

Росту он был среднего, но казался ниже; станом худ и даже более того, но при своей худобе жилист и крепок. Чрезвычайно умеренно питаюсь и скудно одеваюсь, он не употреблял в пищу никаких тонких яств (*facile*), помимо того, [что подавали на] общих [трапезах], да и в них себя часто и значительно ограничивал. Одежанием его независимо от поры была ряса и накидка с капюшоном, помимо чего он в зимнюю пору надевал сверх обычного [ещё] одну-единственную рясу либо накидку. Обувь, что называется сапогами, он никогда не носил, даже зимой, как и туфель, разве что самых простых. На бдениях братии он присутствовал не просто постоянно, но с таким усердием, что, когда ему выпадала какая-нибудь возможность отдохнуть от трудов, он неодолимо духу своему не давал расслабиться, [занимая его] псалмопением. У него была почти невероятная способность молиться, и, хотя правило его было трудным, всякий раз, когда он оказывался свободен, он от лёгкого переходил к нему, и даже когда дело требовало, его едва можно было оторвать от него.

[6] Многие выдаются многими добродетелями и ревнуют о выдающихся дарах, но весьма редко найдёшь подлинно и совершенно смиренного. Это тот, как мне кажется, кого так описывает блаженный Бернад: «Подлинно смиренный, – молвил он, – хочет казаться презренным, а не считаться смиренным». Сим даром в необычайной и чудесной мере обладал этот святой. Ибо некоторых дарований, коими главным образом стяжается мирская слава, а именно: изысканной речи, внешней красоты, ловкости в мирских делах, способность вести хозяйство, что приносит больше власти и почтенного благосостояния, он не имел и иметь не стремился. Хотя он при этом обладал такими дарами, что блистали в очах Господа, но они были незаметны (а он, сколько мог, скрывал их), а поэтому по человеческому суждению мнил себя презренным ничтожеством (*vilem obscurum*). А поскольку он радовался этому ничтожеству и стремился к нему всеми силами, храня лишь в целости совесть, то можно заключить, что он был подлинно смирен. И, как я полагаю, в то время точно не было никого ни равного ему, ни, без сомнений, превосходящего его в этом отношении. И всё же он не достиг, как он думал, той презренности, коей желал паче всего. Ведь для тех, кто умел справедливо судить, кто толково мог отличить видимость от правды, фальшивку (*hypocrisis*) от золота, плод от листьев, он представлялся почтенным, исключительным и чудесным. Итак, хотя по исключительному подвигу он превосходил даже великих, по несравненному смирению делался равным немощным и низшим и, почитаемый как за то, так и за другое, всем равно он был удивителен, дорог и любезен.

[7] О поступках (*moribus*) дома Петра (кои мы доселе упоминали меньше, чем они того заслуживают, – нет, даже слишком мало) мы поведаем несколько случаев из тех, что передали нам надёжные свидетели, в коих проявляется с наиболее явственной очевидностью «свидетельство Божие, которое больше» (Вульг. 1 Ин. 5:9).

Когда он прибыл, как мы упоминали, во Францию, случилось ему заехать в Иньи. И вот, однажды ночью, ещё не дойдя до обители, он увидел в ночном видении, что входит в чертог красоты необычайной. И престол стоял в нём, и на престоле –

сидящая (ср. Отк. 4:2) Жена, чей лик и облачение вызывали глубокое почтение. Когда он входил в царские палаты, навстречу ему выбежали страшные чёрные псы и накинулись, как бы намеревались немедля умертвить. Но почтенная Госпожа, тех псов с великой властью прогнав, призвала его к себе ласковым мановением руки и, утешив милостивым обращением, велела ему быть совершенно бестрепетным и спокойным. Что сие видение возвещало, догадаться нетрудно. Ведь чертог явно означал обитель Иньи, сидящая Жена – Препоблагословенную Марию, чёрные псы – зловредных бесов. Остальное подтверждает, что смысл был этот.

[8] Итак, когда благочестивейший юноша Пётр был принят [в монастырь], он не стал восходить к совершенству понемногу да постепенно, но как бы вмиг и во мгновение ока в великолепие облёкся (ср. Пс. 103:1, пер. Юнгера). Облёкся могуществом и препоясался силою (ср. Пс. 17:33 и 92:1), на всяком месте, во всякое время (ср. Прем. 19:21) и при всех, наконец, обстоятельствах неколебимейше оставаясь таковым.

Когда некий аббат (который и поведал мне об этом), его близкий друг, дивясь его стойкости в уже преклонном возрасте, спросил его о причине такого постоянства (проявив не только назойливость, но и дерзкое любопытство), тот, будучи до крайности мягок и легко уступая друзьям, ответил, молвив: «Когда я был послушником, то как бы воочию узрел, что некий дух входит в меня. С тех пор и донныне оный дух, оная сила или воздействие каким-то образом господствует надо мной, направляет и «водит, как овец, Иосифа» (ср. Пс. 79:2). Часто, когда я рассеян, он сосредотачивает меня внутрь; когда я желаю уделить внимание прочим, он понуждает меня к молитве; иногда к тому, что бросается в глаза или гудит в уши, он делает меня нечувствительным».

То, что блаженный муж поведал о себе, неким образом принуждённый любовью, находится в согласии со сказанным в одной проповеди папою Григорием: «Кем любовь к Вечной Жизни вполне возобладает, того соделывает как бы нечувствительным к земным, внешним пожеланиям» (ср. свт. Григорий Великий (Двоеслов), Сорок бесед на Евангелия, б. XI, 2. – Избранные творения; [Общ. ред.: проф. А. И. Сидоров]. - М. : Паломник, 1999). Так и сей муж, мыслью и томлением жительствуя на Вечной оной родине и в уподобление недвижимому [наследию Небесному] пребывая в себе неподвижно, всякое движения сердца и скачок ума, все смятения и бури души, кои явственно волнуют и колеблют людей и кои истинное вероучение велит отбросить, сдерживал великой силою духа, причём безболезненно, как если бы эта сила была у него врожденной и естественной для него.

[9] Будучи ещё послушником и новичком в ордене, присутствовал он однажды на всенощном бдении и, пока прочие пели, сам он, стоя в хоре, прикорнул от утомления. Тут почувствовал он, как бы чьё-то прикосновение, которое лёгким толчком пробудило его. Подумал на приора, у которого было обыкновение обходить хоры и будить дремлющих братьев. Пробудившись, он открыл глаза и никого не увидел. Когда же сие стало происходить чаще, и всякий раз, пробуждаясь, он не видел побудчика, то уразумел, что то было божественное знамение, и с огорчением воспринял то, что оно являлось ему, а потом скрывалось. Поэтому однажды ночью, когда он ощутил обычный [толчок] побудчика, то, пробудившись, быстро и с готовностью открыл глаза и увидел, что перед ним стоит юноша, сияющий и прекрасный и, употребляя его выражение, златовласый. Который, тотчас отступив

от него, прошёл через середину хора и постепенно, ясно видимый им, через долгое время исчез. Об этом он сам поведал мне; но и то, что я опишу ниже, точно так же рассказал он сам.

[10] В полночь на воскресенье в оратории пели братья, и он с ними. На него напала такая сильная головная боль, что он подумывал о том, чтобы уйти с хора. Когда же, не выдержав боли, он двинулся, намереваясь исполнить задуманное, то услышал голос, сказавший так: «Восхваляя, призову Господа, и от врагов моих спасен буду» (ср. Вульг. Пс. 17:4, пер. Е. Розенблюма). Ободрённый этими словами, он остался в хоре, а спустя некоторое время, когда боль усилилась, снова решил выйти, и снова прозвучали прежние слова. Короче говоря, всю ту ночь и следующее воскресенье до окончания монастырской мессы не прекращалась эта борьба, сиречь между болью и голосом: первая понуждала его выйти, а последний увещевал остаться. В этом ордене заведён обычай, по которому все причащаются в воскресенье. Поэтому, когда он в свою очередь подошёл и смиренно преклонился у угла алтаря, показалось ему, что с головы его свалился камень тяжести великой; и тотчас же, встав и приняв Святуго Евхаристию, он всецело исцелился от оной боли.

[11] Ну а сколь близок он был к Богу, можно судить по приводимому мною ниже случаю.

Говаривал я с ним порой об обосновании веры; когда же я признался ему, как близкому другу, что меня иногда поражает некое искушение против неё, то спросил заодно, не испытывал ли он когда-нибудь что-либо вроде такого рода искушений. «Не стану отрицать, – молвил он, – многократно посещали меня такого рода помыслы, но многократное испытание веры целиком исцелили меня от оной немощи». Я пошёл ещё дальше и дерзнул спросить, что же такое произвело в нём эдакую крепость. Он же, будучи кроток и смирен сердцем, а с друзьями мягок и уступчив, молвил: «Многое я от Бога изведаль, а кое-что порой было такое, что, когда я преставаля сие чувствовать, то тяжелее мне становилось, чем если бы меня ввергли в разожжённую печь».

Клянусь Христом и общей надеждой, что именно эти слова он мне и сказал.

[12] Сию клятву меня вынуждает добавить неверие некоторых или, что хуже, зависть верующих, которые по жестокосердию поверить не могут или по злобности не хотят, чтобы кто-нибудь поверил в то, что и нынешние слуги Божии обретають таковую благодать, каковую обретали [святые прошлого]. Гениев они, как говорит блаженный Иероним, пробуют, словно вина (ср. S. Hieronymus, Praefatio in Pentateuchum. – прим. пер.) – почитают древних, презирають младших. Только ли Бог древних? а не младших? Бог не взирает ни на лица, ни на времена, но во всяком народе и во всякое время боящийся Бога и делающий правду приятен Ему (ср. Деян. 10:34-35). Так почему же не быть ему угодником Божиим, ведь так как он приял Божию благодать, посредством коей изведаль от Бога то, что заслуживають испытать только совершеннейшие, то не был ли и он – совершеннейшим? Правда, в некоторых дарованиях, так сказать, мирских со многими ему было не сравниться. Ибо, как мы предуведомили в начале сего сочинения, [не был он] прекрасен видом в сравнении с сынами человеческими (ср. Вульг. Пс. 44:3. – пер. Е. Розенблюма); и не [пребывал] в златотканном облачении, окружённый многообразиём (там же, ст. 10); и не

[хвалялся] ни колесницами, ни конями (ср. Пс. 19:8); не заботился и не суетился о многом (Лк. 10) в прилежании о внешних делах; не [был он из числа] исполинов, ревущих под водами (ср. Вульг. Иов. 26:5); не входил в великое и недостижимое для него (ср. Пс. 130:1) – ведь нет во всём этом Господа. Ибо Он не в ветре, как написано, не в землетрясении, не в огне, но в веянии тихого ветра (ср. 3 Цар. 19:11-12) и в словах, обращённых к Или и равновеликому ему Иоанну, сему другу Жениха, часто стоявшему [перед Ним] и внимавшему [Ему] глубоко (ср. Ин. 3:29).

[13] Поскольку же некоторым неведомо было его глубинное сияние, то, судя по наружности (ср. Ин. 7:24), они не раз оценивали его низкомерно. Некогда завистливые и неразумные презирали великого Мартина, подобным же образом говоря, что недостойн так епископства человек отвратный лицом и в грязных одеждах, с безобразными волосами; а впрочем, у мужа сего не было недостатка в упомянутых благах внешних, и, как мы уже упоминали, мирских: он имел вдоволь, но придерживался с ними умеренности, дабы, погрязнув в них, не оказаться в занятиях, кои паче их любил и любить был должен, малым и ничтожным – что и творит большинство прелатов. Более того, они гордятся этим, радуются этому, хвастаются тем, что прилежны во внешних делах и им споспешествует успех в них. Между тем, отбрасывая сокровенное своё, они не чувствуют утраты внутреннего, и, оставив то, что должно ставить на первое место, а именно опеку душ, они поручают печься другим о тех, коим обязаны оказывать попечение сами, полагаясь на собственное благоразумие, а на Господа не надеясь. Посему Бог порой и оставляет таковых и предаёт их в руки врагов их (ср. Дан. 3:32), и уловляет мудрых в лукавстве их (1 Кор. 3:19). Ну а сему, уповавшему на Бога, пекшемуся о внутреннем, а внешнее препоручавшему вере, Бог был попечителем, поскольку и сам он о Боге имел попечение. Что будет с очевидностью показано в дальнейшем рассказе, когда он дойдёт до соответствующего места.

[14] Но теперь, возвращаясь к прерванному повествованию, скажем, что, пока он вёл несравненное житие в несравненном ордене, назначили его приором Иньи. А поскольку он исполнял эту обязанность изрядным рвением и достохвально, то избрали его аббатом Вальруа – одной из дочерних обителей Иньи. А избранию его предшествовало такое видение.

Явилось в видении аббату, руководившему тогда Иньи, что, горящий и сияющий свечник, поставленный перед главным алтарем, внезапно вышел через большой витраж; и через некоторое время избрали дома Петра.

В том Вальруа с ним произошли два события, о которых я узнал не из туманных слухов, а из рассказа благочестивого брата, монаха и келаря одного монастыря, по имени Николай.

[15] Некто из наёмных работников его обители не мог добиться платы, хотя постоянно требовал её, а всё потому, что келарь не обращал внимания [на его требования] и, мало того, не желая по каким-то причинам расплачиваться, клялся, что ничего ему не должен. И вот, когда он захотел сообщить об этом аббату, не смог, ибо тот в то время был болен, и келарь не пустил его к нему. И вот, разъярённый работник в гневе, который есть кратковременное умоисступление (Гораций, «Послания», I, 2, 62), пошёл к одному из амбаров по соседству с аббатством с

котелком горящих угольев и, тайно разведя огонь, собирался поджечь амбар. Пока он это обдумывал, подошёл слуга Божий и спросил, что тот хочет сделать. Тот совершенно оцепенел с перепугу и, поскольку не мог скрыть затеи, сознался в своем намерении и поведал о его причине. А аббат ему и молвил: «Не свершай сего злодеяния, а завтра приходи ко мне в инfirmарий; я с радостью выдам тебе плату, и никто не воспрепятствует твоему приходу ко мне».

[16] Он сделал, как ему было велено, а наутро, придя без препятствия с чьей-либо стороны к аббату, молил его исполнить свое обещание. Аббату отнюдь не были неведомы сии события, но он, изображая неосведомлённость, внимательно расспросил о том, как обстояло дело, и выслушал. А отпустив человека с твёрдой надеждой на получение платы, так молвил прежде упомянутому Николаю, прислуживавшему при нём: «Воистину, брате, если бы мы думали о Господе, Господь думал бы о нас». Подозревая, что он услышал нечто, возможно, значительное, [Николай], догнав ушедшего человека, предусмотрительно и изобретательно посулил ему и беседу соккрыть, а дело ускорить, выудил из него рассказ о случившемся. Это первое, великое чудо, а второе подобно ему не по наружности, а по благодати.

[17] Человек Божий измучился и ослабел от болячки, называемая свищом. Мимо обители проходил некий монах из Клерво, известный своим врачебным искусством. Братья подговорили его, а он убедил аббата позволить ему осмотреть болячку. Увидел её и сообщил братии, что это свищ, да в таком месте, где нельзя сделать надрез, чтобы таким образом исцелить его, добавив такое замечание: «Если человек этот встретит Пасху, то никогда более не умрет». Имея, значит, в виду, что он не сможет выздороветь и умрет раньше сего срока. Однако он выздоровел и прожил ещё много лет, но каким образом ему удалось выздороветь, до сих пор неизвестно.

[18] После того, как он некоторое время руководил братией Вальруа, случилось так, что не оказалось аббата в аббатстве Иньи. Есть обычай, что на выборы аббата или начальствующего отца собираются подчинённые аббаты или «сыны». Человек же Господень Пётр, взяв с собой некоего Роберта, благоговейного и учёного монаха из Иньи, которого держал при себе как близкого друга на утешение себе, прибыл в Иньи. И молился Господу, чтобы Он вдохновил его [пониманием], к чьему избранию ему должно стремиться. В то время как он думал о сем и молился, услышал голос, сказавший так: «Когда придёшь в оную обитель, – и указал ему некую обитель, коей названия я не вспомню, – узнаешь то, о чём просишь». Он почти добрался до обители, а просьба его не была исполнена. Поэтому он молился усерднее и умолял Господа об исполнении обещания. Тогда снова был голос к нему, молвивший так: «Спроси того монаха, который сопровождает тебя; он тебе скажет, кому быть аббатом».

[19] Тотчас же подойдя к монаху, а именно к вышепоименованному Роберту, отец обратился к нему сим образом: «Мы направляемся, – молвил он, – в Иньи, и я думаю, что избрание аббата будет во многом зависеть от меня. Итак, вы, зная нравы братьев из долгого опыта, поведайте мне, кого вы считаете более достойным этой должности». А тот, не пророческим духом, но от желания, чтобы он получил повышение, и потому, что любил его и знал, что он повышения достоин, молвил: «Незамедлительно и без раздумий отвечаю: я не считаю никого более достойным,

чем вы, а потому предсказываю, что вы будете аббатом». Человек же Господень сохранил все слова сии, сложив в сердце своём (ср. Лк. 2:19), и хотя уже не мог быть в неведении того, что ему предстояло, однако снова и снова спрашивал, говоря: «Я знаю, брате, и уверен, что вы хотели бы моего повышения, но сие не в вашей воле. Посему я наоборот хочу, чтобы вы выдвинули на избрание кто-нибудь другого, достойного». – «Никого, – молвил [Роберт], — другого я не выдвину; вы будете аббатом, вас все желают». Пришёл он в Иньи, и по единодушному согласию собравшихся без всякого возражения был избран аббатом; но выборам всё же предшествовало иное, как я уже говорил, предсказание – такое:

[20] Был в аббатстве брат, благочестивый и добрый, долгое время занимавший должность регента, по имени Николай. Он сам сообщил мне, что в то время, когда эта должность (*sedes*) была незанята, а братия находилась в нерешительности и готовились к выборам, он, радея о сем деле, непрестанно просил Господа даровать им подходящего аббата. И однажды, когда он молил Господа, голос явственно молвил ему так: «Николай, у тебя будет аббат, и он укажет тебе, что нужно делать. Спроси блаженного. О достоивный муж, о Пётр, Петра истинный подражатель!» А потому Господь по праву дал ему свидетельство, каковое прежде давал князю апостолов Петру. И действительно, не только вышеназванному брату, но и всем бывшим в обители, даже тем внешним, что удостоились его видеть, слышать и знать, он явил пример самого настоящего и христианского благочестия. Так что в течение нескольких лет он руководил оным аббатством в святости и правде пред Богом (ср. Лк. 1:75), а пред миром – с добрым именем, со славной молвою, в благоухании [святости].

ГЛАВА ВТОРАЯ. РЕВНОСТЬ И СМИРЕНИЕ БЛ. ПЕТРА. ОБРАЩЕНИЕ БАЛЬДУИНА ДЕ ГИЗА. ВИДЕНИЯ БЛ. ПЕТРА О НЁМ. УБИЙСТВО БЛ. ГЕРАРДА, АББАТА КЛЕРВОСКОГО

[20] И вот, необычайное и суровое житие его (бл. Петра) вдохновило вышеупомянутого Николая, наставив на понимание того, что он ему указывал и наказывал. И, памятуя голос, который он слышал, и зная, что нужно и самому будет подготовиться к подобному [подвигу], он даже пытался приступить к чему-нибудь сверх обычного порядка. Но так как был хрупок и слаб, то всё никак не дерзал. Находясь в таковой нерешительности, он как-то слышал голос, сказавший сие: «Николай, никогда не страшить творить покаяние».

Мне показалось уместным привести этот случай для укрепления тех, что в робости духа и буре (ср. Вульг. Пс. 54:9 – пер. Е. Розенблюма), что страшатся мороза, а снег валится на них (ср. Вульг. Иов. 6:16). Тем не менее, необходимо установить меру отваге, а в отношении телесной немощи следует придерживаться сострадательного и тонкого благоразумия; и на то ещё обратить внимание, что, хотя дух решителен, но плоть немощна (Вульг. Мф 26:41), и попечение о плоти должно свершать если и не по похотям (ср. Вульг. Рим. 13:14), то по нуждам; и именно так, по моим наблюдениям, поступал святой Божий.

[22] Ибо, трапезуя однажды вместе с ним и видя, что он не ест поставленной перед ним рыбы, да при этом и от других яств вкушает скудно, я, жалея его, обвинял его в чрезмерной скупости. «Право, – молвил он, – я бы ел ещё меньше, коли не щадил бы

тела моего». Итак, он щадил своё тело, даже когда казался и был до крайности воздержанным в еде и питье. Из чего следует справедливый вывод, что так же и в остальном он был сдержан, благоразумен и умерен. Потому что он так стремился к совершенству добродетели, что не оставлял сдержанности, которая, хоть и будучи четвёртой из главных добродетелей, такую имеет силу (*gratiam*), что без нее другие три дара (*gratiae*) не могут быть благодетельными (*gratiosae*), а потому хорошо сказал о нём, как я слышал, некий благочестивый и мудрый человек, а именно Гильберт, аббат Фуаньи, что, мол, он никогда не видел никого, кому крайности (*singularitatem*) причиняли меньше зла, а всё потому, что крайности свои он крайне [обуздывал], то есть направлял их с умеренностью и благоразумием, хотя многим, не знавшим его близко, он казался простоватым и тупоумным, виной чему была медлительность его речи и то, что, когда он говорил, латинский его резал ухо. Наконец, он претщательно скрывал все свои достоинства.

[23] Был же он пронизательного ума, весьма здравомыслящ, а в действиях своих и управлении подчинёнными сдержан и внимателен. Паче того, когда однажды в беседе с мужем почтенным, а вместе с тем трудолюбивым и честным – келарем святого – я посетовал на то, что, как говорят, аббат его поистине благоговеен, но жёсток, а вместе с тем слишком суров и груб, ответил тот, знавший по опыту долгого общения его нрав, его жизнь, его правила, его обыкновения, молвив: «Поистине, жёсток он и суров, но к себе, а не к другим. Ибо к другим он милостив и милосерд, да настолько, что мы, имея о нём великое попечение и являясь его помощниками, иногда на его доброту и терпение (когда они нам кажутся чрезмерными) ропщем, говоря (из усердия, а не ради злословия), что своим благодушием (*temperae*) он расхолаживает пыл ордена. Впрочем, когда обдумаем его внутренние устремления (*intentionem*), когда услышим об итогах его прежних поступков и доставленной нам от него пользе да поразмыслим об услышанном, признаём, что он должен поступать так, а не иначе, ибо более внимая не букве, но духу и любви, которая есть закон Божий и совокупность совершенства (ср. Кол. 3:14), и из каковой лишь источники жизни (ср. Прит. 4:23), чем на установления и изобретения человеческие, он легко относится к нарушению некоторых правил, не отбрасывая, впрочем, их, не пренебрегая ими, не презирая их, но умеряя сообразно личным особенностям, месту, времени; то есть, он в одном случае соблюдает орденские [предписания во всей их] строгости, в другом – [смягчает их, взирая на] человеческую слабость, изо всех сил стараясь быть верным домоправителем (ср. Лк. 12:42), чего он полагает с несомненностью добиться, если в ответ на некоторые послабления (хотя они по видимому навлекают некоторое порицание и приносят какой-то ущерб) обретёт в возмещение любовь в братии, и мир, и доброхотное служение, не беспокоясь, если его за это кто-то упрекает, поскольку чистая совесть и истина Божия свидетельствуют за него».

[24] Поистине, муж этот не был из тех, которые, отцеживая комара, поглощают верблюда, которые дают десятину со всякой зелени, а оставляют важнейшее в законе (ср. Мф. 23:23-24), которые, не различая между добрым и злым (ср. Вульг. 3 Цар. 3:9), добрым и лучшим, злым и худшим и ища, что всего горше, своего, а не того, что Иисуса Христа (ср. Флп. 2:21), хоть и блюдут по видимости стадо, однако по невежеству или по злобе сами заблуждаются и, других вводя в заблуждение, делают много, пользы доставляя мало; листьев производят много, а плод приносят скудный;

причём часто о шерсти козьей спорят (т.е. о пустяках, см. Гораций, «Послания», I, 18, 15-16. – прим. пер.), а не болезнуют о бедствии Иосифа (ср. Амос 6:6).

Пётр, наученный откровением Святого Духа, что делами закона не оправдается никакой человек (ср. Гал. 2:16) и что Бог есть дух, и поклоняющиеся должны поклоняться в духе и истине (ср. Ин. 4:24), будучи преусердным поборником духа и истины, в изобилии обладал праведностью – не той, которая от закона и дел (ср. Флп. 3:9), но той, что от Духа и Бога. Благодаря ей, сам являясь праведником, он и распоряжения давал праведные, и духовной силою (auctoritate), которая следовала за святостью, стяжал для них не только успех, но и благодать. Объяснив сие, пожалуй, в порядке отступления, но всё же в связи с повествованием, вернёмся к оному.

Между тем человек Божий удостоился видения, великого изумления достойного и не в меньшей степени заслуживающего памятования и рассказа. Я нашёл его в чужих записях и присовокупил к нынешнему нашему писанию. Дело было вот как.

[25] Как-то раз, когда в Уркан прибыл аббат Иньи по имени Пётр, муж, отмеченный всяческой святостью, вся обитель, торжествуя и ликуя (ср. Ис. 35:2), возрадовалась его приезду, оказав ему почтение, коего его святость требовала. Затем господин аббат и приор, зная, что ему было явлено видение, каковое они желали бы услышать из уст видевшего оное, отозвав его особо, повели в другую сторону, как бы для того, чтобы обсудить дела более тайные. Присев же, они почтительно заговорили с ним и стали упрашивать, чтобы он соизволил открыть им, о чём было явленное ему видение. С трепетом и страхом и как бы не зная, о чём они спрашивают, он, сколько мог, скрывал, что имел видение, и нисколько не уступал их просьбам. Они умоляли его снова и снова; он отнекивался. Однако, побежденный их похвальной назойливостью, он (во-первых, потому что согласно явному свидетельству Писаний, виновен будет во грехе против брата тот, кто от брата утаит нечто поучительное, а также и потому, что ни в чём не мог отказать господину аббату, коего нежно любил и коим сам был не менее любим взаимно), начал, наконец, с трудом выдавливая слова, свой рассказ так:

[26] «Был в архиепископстве Реймском некий рыцарь по имени Бальдуин, муж родовитый, муж, земными благами исполненный, но не менее и грехами обилующий. Ведь он не оставил несовершенным ни единого зла, кроме такого, что соделать был не в силах. Рыцарь этот, когда вёл войну с архиепископом Реймским, навлёк много бед на всю страну, а особенно на ближайшие обители, но имуществ у нашей обители, к который он относился с большей любовью, чем к другим иноческим обителям, не только не отнимал, но даже охранял их от всех других, проявляя великое уважение к нашим имуществам и ко всем нам. Случилось же так, что он наконец слёг, одолеваемый телесной болезнью. А когда он осознал, что вскоре умрёт, я через вестника его получил повеление прийти навестить его и сразу послушно пришёл. Выслушав же его исповедь, я, видя, что им движет раскаяние и что возымел он отныне добрую волю, стал увещевать его отречься от мира и принять облачение иноческое. Он принимает мой совет, просит разрешения у супруги, но не может его добиться. Итак, видя, что он не получил разрешения на уход [из семьи], я, помазав его святым елеем, вернулся в монастырь. Между тем, по

прошествии нескольких дней его болезнь обострилась, и когда у его родных не осталось о нём никакой надежды, эти самые родные доставили его в наш монастырь.

Мы встречаем пришедшего и заботливо его принимаем. Его отводят в келью, облакают в священную ризу и приставляют к нему заботников. Когда однажды ночью сии заметили, что он вот-вот умрёт, стали бить в доску, чтобы созвать братию, как того требует обычай нашего ордена. Братья взволнованы, подходят к болящему; я тоже среди прочих там – исполняю служение. Община поёт семипсалмие, но болящий всё не преставляется. Поэтому, видя, что умрёт он не так уж скоро, я, дабы не слишком обременять братьев, которые должны присутствовать на священных бдениях, позволяю им вновь лечь.

[27] В тот час двое из братьев получили два видения о болящем. Один, [лёжа] в постели своей, имел сие видение: он как бы видел, что вся община стояла перед болящим, и, кланяясь ему, братия смиренно запечатлевали целование мира на устах его. Другой видел – но во сне, – что болящий, лежавший в постели, попытался с постели встать, но не смог. И когда он подошёл к нему, чтобы помочь, молвил болящий: «Не помогай мне, я не нуждаюсь в твоей поддержке, ибо мне помогает блаженный Бенедикт, который также велит аббату дабы уготовал венец мне».

[28] Немедля бьют в доску повторно. Братия снова в волнении, опять приходят к болящему. Болящий преставляется от тела, а тело переносят в церковь. И, оставив там нескольких братьев петь псалмы над усопшим, община отправляется обратно спать. Я тоже той ночью пошёл отдыхать вместе с остальными, поскольку немного приболел. И пока я лежал в постели, всё бодрствуя и никак не засыпая, стал думать про себя и как бы говорить себе: «Господи Боже мой, что будет с этим человеком, который связан узами столь многих грехов? Что пользы ему от того, что он исповедал свои злодеяния? Что от того, что он раскаялся при смерти? Что от того, что он принял иноческое облачение? Где он сейчас? Хорошо ему или плохо?» Когда я молча размышляю об этом, слышу голос, говорящий так: «Он очень нуждается в помощи». И вот, услышав, что он нуждается в помощи, я тотчас в духе шествую в церковь и, как бы преклоняя колени перед каждым из алтарей святых, память которых там совершается, со всяческим усердием как только могу умоляю о заступничестве, чтобы тот, кто нуждался в прощении, обрёл милость от Господа. И по свершении сего глаза мои смыкаются, и я тут же проваливаюсь в сон.

[29] Едва же я заснул, как почувствовал, что на меня будто бы навалилась огромная глыба; и я понял, что это злой дух меня гнетёт. И сказал он мне: «Что это ты вознамерился делать?» Я в ответ молвил: «А что я такого вознамерился делать?». «Думаешь, – молвит он, – что сможешь забрать у меня Бальдуина только из-за того, что он приял иноческое облачение?» — «Думаю», – говорю я. «Не должен ли, — молвит он, — быть моим по праву тот, кто служил мне всю жизнь свою, кто до конца своей жизни пребывал во грехах своих?» На то я отвечаю: «Не спорю. Но разве он не исповедал своих грехов, не раскаялся при смерти и не прибег к милости Божией? Уж не говоря обо всём остальном, разве не знаешь, что кровь Христова была пролита за грешников во оставление грехов? Оной драгоценной кровью, что из бока Усопшего на кресте излилась, заклинаю тебя, проклятый, чтобы ты немедленно изшел прочь и не имел над ним власти!». Услышав именование оное Крови Христовой, не стерпев силы заклятия, он отошёл побежденный и посрамлённый. Ну а я, как бы победою

осчастливленный, в гласе ликования и хвалы, от веселия сердца моего не сдержавшись, воспел: «Тебя Бога Славим». И пел во сне до того места, где говорится: «Ты Царь славы, Христе», когда, пробудившись ото сна и возрев на свершившееся прояснившимся взглядом, на хвалу и славу Божию допел весь гимн до конца. И когда у меня в устах ещё был стих: «На Тебя, Господи, уповаю, не постыжусь вовек», пришло время и заблаговестили к полунощнице. Отправляюсь на бдение, не забывая о голосе, который сказал мне, что Бальдуину нужна помощь. Всю ночь возношу за него моление Богу.

[30] Когда уже настал день и братия собралась в капитуле, я велел им приносить спасительную жертву (т.е. служить мессу. – прим. пер.) за усопшего тридцать дней непрерывно, решив и сам творить то, что велел другим, то есть свершать за него жертвоприношение в течение тридцати дней. Итак, в течение оных тридцати дней, когда мы все молились за него, Бальдуин много раз являлся мне, приходя и находясь рядом, где бы я ни был. Причём являлся он в облике попрошайки, как бы говоря этим, что ему нужна помощь, и прося молитв; причём делал это паче всего тогда, когда молитвенный пыл наш остывал и ослабевал или когда я по какой-либо причине не мог служить мессу. Не скажу, что в течение этих тридцати дней он являлся мне ежедневно, но часто. Случилось также, что однажды я отправился по амбарам нашей обители и в этот день не смог петь мессу. Когда же я возвращался в монастырь, он явился мне на дороге с протянутой рукой (*supplex*) и гораздо более печальным, чем обычно, как бы пытаюсь сказать, что я в этот день пренебрёг им.

[31] И вот, по истечении тридцатин, в день всенародного поклонения Кресту (т.е. в Великую пятницу. – прим. пер.), когда я сидел в пресвитерии, одетый в священнические одежды, готовясь вершить литургическое священнодействие, а в церкви уже оглашали второе чтение, присмотревшись, увидел двух мужей, облачённых в пурпур, весьма красивых и приятных на вид, шедших через хор: они вели посредине между собой брата Бальдуина, облачённого в ржаво-красное (*ysembruno*). Когда же они привели его ко мне в то место, где я сидел, то представили его мне и сказали: «Это Бальдуин». И вот, пока я думал, что же они собираются с ним сделать, они отвели его к алтарю и там принесли его в жертву. И когда сие свершилось, видение исчезло. Ну а брат Бальдуин, который являлся мне так много раз, с того дня ни разу доныне мне не являлся. Итак, придя в себя и обдумав, что могло символизировать сего рода видение, я уразумел, что после того, как брат Бальдуин был принесен в жертву на алтаре, он примирился [с Богом], но судя по тёмному облачению, в каковое он был одет, в нём еще осталось какое-то пятно грехов и он подлежал наказанию. Вот вы и знаете, каковы видения мне были о сем рыцаре.

[32] Ну а незадолго до кончины того, о ком мы говорили, некий рыцарь, находясь при смерти, позвал меня. Когда я пришёл к нему, то, выслушав его исповедь, не смог посоветовать ему ничего лучше, как отречься от мира и прибегнуть к милосердию Божию, ибо это было единственное, как мне казалось, что ему оставалось. Итак, я привёл его в Вальруа, одну из обителей нашего ордена, что была ближе к его дому, где он и был облачён в иноческое одеяние, а сам возвратился в Иньи. Когда же я лежал этой ночью в постели, ещё бодрствуя, то задумался про себя и как бы заговорил с собой: «Как ты думаешь, пойдёт ли на пользу рыцарю этому иноческое

облачение, которое он принял? Ведь он совершил то, что совершил, скорее неохотно, нежели добровольно. Ибо, если бы у него было ещё время на злодеяния, он, пожалуй, творил бы зло. В конце концов, не столько он оставил грехи свои, сколько они его оставили».

[33] Когда я размышлял об этом про себя, услышал голос, говорящий так: «Много пользы будет ему. И знай то, что и над ним, и над любим, кто умирает в облачении цистерцианского ордена, дьявол не будет иметь никакой власти, пока ему не будет вынесен приговор». Услышав же голос, я тут же уразумел, что сказанное им может быть правдой, и пришло мне на мысль вот какое уподобление. Допустим, у короля есть слуга, которого все ненавидят. Пока оный слуга имеет на себе королевские знаки отличия и его надписания, и пока неясно, любит ли его король или ненавидит, он может безопасно ходить среди врагов. Если же будет объявлено, что король ненавидит его, и если он изгонит его из своего дома, то с тех пор не найдётся того, кто не бросил бы в него камень. Так же и тот, кто имеет на себе знаки Христова воинства, нося клейма Его на теле своём (ср. Вульг. Гал. 6:17), будучи облачён в иноческое одеяние, которое есть хитон Спасителя, может безопасно проникнуть в ряды врагов своих, и дьявол не имеет никакой власти над ним, не зная ещё, что повелит о нём Господь. Но если воля Судии относительно него будет изъявлена, а изречённый приговор засвидетельствует, что он не угоден Богу, то с сей поры лукавый уже обретает власть и сможет изыскивать долг до последнего кодранта (ср. Мф. 5:26).

Итак, сим видением воодушевленный, я посоветовал брату Бальдуину отречься от мира хотя бы на смертном одре. Ведь я знал, что любому грешнику может быть полезно приять иноческое облачение даже в самый миг смерти».

[34] [Ещё] досточтимый аббат Иньи получил такое видение, каковое не оставило нам ни малейшего сомнения, потому что оно не третьим лицом было пересказано нам во услышание, но поведано устами того, кто его видел. И хотя его свидетельство его [само по себе] весьма достоверно, тем не менее я, чтобы укрепить веру в видение сие, подтверждаю её таковой присягой: если неистинно видение, излагаемое в этих письменах, то пусть плечо моё отпадёт от спины и рука моя пусть отломится от локтя (Иов. 31:22); пусть небеса, которые над головою моею, сделаются медью, и земля – железом (ср. Втор. 28:23); пусть вместо пшеницы вырастет мне крапива и вместо ячменя – терн (Иов. 31:40. – пер. П. Юнгера).

[35] К предпосланной выше присяге прилагаю своё свидетельство; и хотя оно не имеет за собою веского речательства, всё в нём, безусловно, чистая правда. Итак, когда мне в руки попал предыдущий рассказ, я не удовлетворился свидетельством записей, но постарался в то же время заручиться подтверждением (сориат) самого прозорливца. Не напрямик, не открыто, а, так сказать, исподтишка и с некоторыми ухищрениями, которые долго было бы здесь излагать и изъяснять, я уговорил его рассказать мне – ради назидания моего, – что за видение ему было о рыцаре Бальдуине. Короче говоря, побежденный, наконец, моей назойливостью, да одолеваемый притом любовью и [приводимыми мною] доводами, он ответил так: «Я расскажу то, о чём вы спрашиваете, но рассказывать это мне будет тяжело». Затем он поведал мне всё по порядку и согласно с записями, да так [подробно] всё вспомнил, что я много дивился его памяти.

[36] Генрих, граф Шампанский, сын того Теобальда, который заслуженно с похвалой упоминается в Житии св. Бернарда, попросил однажды слугу Божия, дабы помолился о нём Господу. Пётр служил за него заступническую мессу, а по свершении таинства, когда он уже собирался обернуться к своим сослужителям, дабы молвить напоследок коллекту, увидел отсутствовавшего там графа словно присутствующего: на одежде у него был знак крестный, как это обыкновенно бывает у тех, кто даёт обет отправиться в Иерусалим. Причём граф, как он впоследствии признался, до тех пор ещё не приял знака крестного, но в тот день, после долгих колебаний, после долгих раздумий, решил, что несомненно сделает это.

[37] Сидел как-то раз блаженный муж в капитуле. Справляли годовщину смерти одного брата. Регент, в обязанности которого это входило, предложил Петру, как было принято, уделить брату отпущение грехов. Тот отпустил ему, тихо произнеся, однако, таковые слова: «Он нуждается в отпущении». Один из старших по имени Иоанн, из чьего рассказа я и узнал об этом, сидел недалеко от него и слышал произнесённые слова. Когда представилась возможность, он стал расспрашивать о причине оного речения, на что услышал от него: «Недавно, — молвил Пётр, — в пору бодрствования моего явился мне сей брат наяву и на вопрос, видел ли он уже нашего Господа, отвечивал: «Ещё не время», и, сказав сие, исчез». Причём вышеупомянутый Иоанн засвидетельствовал, что [покойный брат] благоговейно и давно подвизался в ордене и что два предшествующих смерти года томился весьма тяжкой болезнью, [предвосхищавшей,] как он сам думал, чистилище.

[38] Ведь поистине не только узок, но и долог путь, ведущий к жизни (ср. Мф. 7:14) и к видению Высшего блага и Превосходного естества оного, Коего может достигнуть только прошедший полнейшее очищение (*purgatissimus*), во свидетельство чему сама Жизнь глаголет: «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят» (Мф. 5:8). Кто же может похвалиться тем, что у него чистое сердце? Так, однако, что хвальныйся да хвалится Господом (ср. 1 Кор. 1:31. – пер. еп. Кассиана), то есть согласно истине, которая не лжет, а не согласно мнению, которое заблуждается и вводит в заблуждение. Ведь много есть таких, чьё беззаконие лжёт себе самому (ср. Вульг. Пс. 26:12), подстраивающих и приукрашающих милосердие Божие под своё произволение, хотя милосердие Божие не отменяет справедливости Его, и многими скорбями, то есть чрез многие очищения, надлежит нам войти в Царствие Божие (ср. Деян. 14:21). Итак, да не презирают те, чьи руки простираются на полезное (Прит. 31:19. – пер. П. Юнгера), монашеской аскезы, которая в веке сем кажется скорее не радостью, а печалью; но упражнение в ней принесёт в нынешней жизни мирный плод праведности (ср. Евр. 12:11), а в будущей – славы. Да не ропщут о трудности дороги, но воззрят на вышеупомянутого брата, который продолжительным и трудным подвигом, двухлетними страданиями телесными был очищен, как золото в горниле, и испытан, как серебро в огне (ср. Прит. 27:21), но всё же не оказался совершенным (ср. Сир. 44:16). Так что и те, кого самонадеянность не лишила соображения, да возложат на себя узда страха, и убоятся, и опустят крылья. Ведь нужно долго трудиться, отделять душу, чтобы после того, как с неё соскоблится всё вещественное и все помышления о земном, память ничего не удерживала, разум ничего не видел, воля не любила ничего, кроме Бога, Который есть первообраз памяти, бестелесный свет разума и огненный побудитель воли, высшее благо,

благословенное благо, блаженное благо человека. Сказав сие вкратце ради пробуждения некоторых сонливцев, возвратимся же к главному предмету.

[39] Для наставления порой и ничтожное годится не меньше, чем великое. Поэтому я приведу здесь одну мелочь, что будет простительно если и не ради пользы, то хоть за краткость.

Есть у меня брат, небезызвестный вам, к которому-то и обращено настоящее повествование. Он, с юности до старости томимый многими болезнями, претерпевал затажное мученичество. Однажды его телесные тягости до того возросли, что казалось, он умирает. Я написал человеку Божию, тогда ещё пребывавшему во плоти, прося о заступнической помощи. В ту ночь, когда он молился за больного, ему было видение, что стоит он нагим перед человеком Божиим, а тот его жестоко избивает. Дивился он его необыкновенной суровости к нему, но собственная совесть отвечала дивящемуся: «Это Бог тебя бьёт».

Он и по сей день жив; терпеливо переносит мучения, понимая, что Бог их источник. Кому-то, вероятно, это может показаться всего лишь сном, но совпадение одной молитвы и одного видения побудило меня написать сие. Ну а то, что я приведу ниже, поведал мне сам блаженный муж.

[40] Когда он находился в некоей церкви и «в молитве исповедался Господу» (ср. Вульг. Сир. 39:8), явились молящемуся подобия святых Бернарда и Малахии (свв. Бернард Клервоский и Малахия Армский погребены в Клерво и являются покровителями этой обители наряду с Богородицей. – прим. лат. изд.). К ним-то он, обратившись, и направил свою молитву и просьбы. Тогда один из них сказал ему: «Ты будешь аббатом Клерво». Они исчезли, а он остался в ужасе. В ужасе, говорю я, потому что, как он позже признался мне с вздыханием, никогда бы ему не хотелось, чтобы это случилось; и все же он не мог усомниться в том, что слышал свыше.

[41] По прошествии некоторого времени после того в Иньи прибыл Герольд, аббат Клерво, муж почтенный и многими дарованиями украшенный. Был в то время в Иньи некий монах, поистине бесноватый, Иуда среди апостолов, сатана среди сынов Божиих (ср. Иов. 2:1), Гугон из Базоша; он терзал орден множеством грубых бесчинств, и вышеназванный аббат [наложил] на него уставную кару. Поэтому, улучив подходящее время, чтобы отомстить за свою обиду, он, мучимый фуриями нечестивыми (ср. Вергилий, Энеида, 3. 330-331), жутким ядом в сердце упиваясь, обдумывал украдкой его убийство.

И вот однажды в поздний час сидел у входа в помещение для больных некий благочестивый и смиренный брат по имени Хаймо, родом из Реймса. Тут он, как поведал мне, ясно увидел двоих существ ужасного вида, в коих бессомнительно признал бесов, входивших в это помещение. В то время там вместе с братьями, больными телом, лежал больной духом оный сотоварищ сатаны, вышеупомянутый Гугон.

[42] В полночь аббат встал, чтобы исповедаться Господу, и присутствовал на всенощной. По нужде ему пришлось удалиться в монастырский dormitorio, где Гугон, находившийся в засаде, дабы убить невинного (ср. Пс. 9:29), заготовленным для злодеяния клинком смертельно ранил его. Он прожил до следующего дня.

Ближе к вечеру, когда предстали ему братия, он сказал: «Управь меня в истине Твоей и научи меня, ибо Ты – Бог Спаситель мой и Тебя держусь я весь день» (Пс. 24:5. – пер. Евг. Розенблюма). И, сказав сие, он почил в Господе и, как верится нам, стяжав кровью венец славного мученичества, отправился на небеса. Тело же его, приведя, как принято, в порядок, аббат Пётр доставил в Клерво, весьма опасаясь, как бы не исполнилось то, что он слышал: «Ты будешь аббатом Клервоским». Но жребий служения сего выпал некоему Генриху, мужу сильному в деле и слове (ср. Лк. 24:19), а когда спустя некоторое время он был возвышен до звания кардинала-епископа, место оное освободилось, и снова зашла речь о выборах аббата.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ОБ ИЗБРАНИИ БЛ. ПЕТРА В АББАТЫ КЛЕРВО. ОН ИСЦЕЛЯЕТ БОЛЬНЫХ. ПОЕЗДКА В ВЕРОНУ. ВЫБОРЫ КАКОГО-ТО ЕПИСКОПА. БЛ. ПЁТР СТАНОВИТСЯ ОДНОГЛАЗЫМ. ЕГО МИЛОСТЬ. КАК ОН УМЕР.

[44] Клаустральным приором (вторым лицом после аббата. – прим. пер.) в Клерво был Гиллеберт, ныне аббат Фуаньи. Он, досконально и глубоко понимая подлиннейшую святость блаженного мужа (как его единственный и близкий друг), напряжённо размышлял, как бы добиться его переезда из Иньи в Клерво. Как раз когда сие крутилось у него в голове, некто из братии, будучи в полном неведении о его мысли и намерении, поведал ему, сказав: «Сердечно меня занимает, – молвил он, – забота об обители нашей, и не знаю, кого Господь усмотрел поставить нам в пастыри. Впрочем, было мне явлено таковое видение. Возвестили нам, что Христос Господь грядет в обитель сию. Мы поспешали к монастырским воротам встречать. Не увидели мы в Нём ни вида, ни величия (ср. Ис. 53:2): ростом мал, одеянием (*habitu*) нищ, обликом жалок – однако ж никто не усомнился, что это Господь Иисус Христос».

[44] Соотнеся и сопоставив сие со своим замыслом, Гиллеберт не мог истолковать Христа никак иначе как Петра, самого настоящего христианина и поистине «Христа», то есть помазанного елеем (*crismate*) небесным – помазанием Святого Духа (*Pneumate*). Ведь он в глазах людских казался убогим и невзрачным, последним из мужей, словно бы поражённый Богом; притом вся слава его была внутри (ср. Пс. 44:14), где сияла драгоценная жемчужина (ср. Мф. 13:46) в сердце его и где было место Господу, скиния Богу Иакова (Вульг. Пс. 131:5) (скиния, добавлю, сооружённая из веры, любви и прочих добродетелей, словно бы из ковров, золота, серебра и драгоценных камней, – опрятная, просторная, прекрасная и роскошная, но обёрнутая снаружи во власяницу); где было устремление к божественному видению – «благоухание, приятное Господу» (Лев. 2:2, 6:21, Чис. 15:24, 28:24 и проч.); где согласие и созвучие разума и чувств, производя сладостную гармонию, ласкало даже божественный слух. Поэтому сообразно и достойно явился Христос в одеянии (или «в виде», *in habitu*. – прим. пер.) нищего Петра, ведь Тот, Который уничиженное тело наше преобразит так, что оно будет сообразно славному Телу Его (Флп. 3:21), преобразил славное Тело Своё в сообразно немощному нашему телу, и, будучи образом Божиим и равным Богу, уничижил Себя Самого, приняв образ Петра и по виду став (в Вульгате *habitu inventus*, т.е. автор мог обыграть цитату: «одеянием оказавшись». – прим. пер.) как Пётр (ср. Флп. 2:6-7).

[45] Итак, Гиллеберт, приободрённый сим видением, созвал поимённо аббатов соседних монастырей и Петра, причём Пётр, несмотря на приглашение, уклонился. Тем не менее, прочие, приехав, провели совещание и избрали его заочно. И не было

никого, кто бы возразил, ибо дивная добродетель его была ведома всем. И вот, его стали искать и обнаружили в некоем амбаре, принадлежащем оному ордену, работающим вместе со светскими братьями (*inter conversos conversans*). В тот же день его обнаружили на лугу косящим сено. Поскольку уговорам руководитель Иньи не уступал, орден приказанием принудил его принять должность, чему он поневоле неохотно повиновался.

[46] На следующий день, когда они собирались отправиться в путь и поехать в Клерво, сильная лихорадка охватила упомянутого выше Гиллеберта, который был одним из ищущих его, ищущих человека Бога Иаковля (ср. Вульг. Пс. 23:6). Пришел к нему человек Божий, сетуя и говоря, что он сам всё устроил, а теперь, вопреки закону дружбы, покидает его в нужде. Тот стал оправдываться, что не выдумал своего недуга, на что святой аббат ответил: «Встаньте, пойдём отсюда (Ин 14:31): лихорадка вам более не помешает». Тот встал и пошёл со слугою Божиим, и спустя краткий час лихорадка оставила его. И вот, [Пётр], препровождённый братьями в Клерво, был принят всеми, как ангел Божий, как человек, посланный от Бога (Ин. 1:6), с благоговением и радушием. Но пришёл он к ним не в превосходстве слова (ср. 1 Кор. 2:1), не в убедительных словах человеческой мудрости, но в явлении духа и силы (1 Кор. 2:4), в истине и совершенстве (ср. Вульг. Ис. 38:3) христианского благочестия, каковых явил им досточтимые примеры.

[47] Через некоторое время он отправился навестить дочерние аббатства Клерво, а с ним – Гиллеберт, теперь уже аббат Боэри. Причём Гиллеберт сидел верхом, и хотя в прочих отношениях это было удобно, [животное] весьма часто претыкалось о камни ногою своею (ср. Пс. 90:12), подвергая седока опасности. Пётр же, заметив, что лошадь ногами то и дело претывается, и, опасаясь падения Гиллеберта, попенял ему, спросив, зачем использовать это животное, из-за которого легче лёгкого свалиться и получить телесное повреждение. На что тот молвил: «Мягко и спокойно ступает и не норовиста, поэтому я весьма люблю на ней ездить. Впрочем, если вы за меня опасаетесь и желаете принести мне пользу, попросите у Господа, дабы [животное] более не страдало этим пороком». – «Разве, – отвечивал [Пётр], – молитвы скорее изливать, нежели проливать подобает? О волах ли печется Бог? (1 Кор. 9:9). Однако же молю Бога, чтобы не повалилось [животное] так, чтобы причинить вам вред». С тех пор [лошадь эта] использовалась много лет и не падала, ибо укрепились нога её. А чтобы не приписали это скорее случайности, нежели заслугам Петра, как только Гиллеберт после перевода в Фуньи оставил лошадь в Боэри, некто из братьев той обители сел на лошадь, и четвероногое под ним, более того, на него, так крепко свалилось, что брата отнесли монастырь со сломанной ногой, несчастным образом израненного.

[48] По причине необычайной святости и подвига его и потому, что таких чудес, какие он творил, никто не смог бы творить, если бы не был с ним Бог (ср. Ин. 3:2), которые также свидетельствовали о себе, он, как корица и аспалаф, издавал ароматный запах и, как отличная смирна, распространил благоухание (ср. Сир. 24:17), и благоухание сие распространилось всюду, и «по всей нагорной стране» (Лк. 1:65) – не только во Франции, но и в прочих краях – «рассказывали обо всём этом» (там же), и прославилось имя его (ср. 1 Цар. 18:30), и многие его почитали за пророка (Мф. 14:5) и встречали его с радостью как друга Божия и близкого Ему. Наконец,

Папа Римский был так впечатлѣн столь благоприятной молвою, что достаточно явно показал ему, как ценит его, когда призвал его, желая его видеть. Омрачѣнный, как говорят, воспринял он [необходимость] путешествия, но, повинувшись Верховному понтифику, не замедлил тронуться в путь. Папа тот был летами стар, отягчѣн дряхлостью и страдал недугом (от которого впоследствии и умер).

[49] Однако, ликуя при его прибытии, облачѣнный в дорожные одеяния, восседая на троне, окруженный сонмом кардиналов, он принял его с веселием и радованием. Затем, отведя его в уединѣнное место, отложив апостольское величие, пред ним, нет, поистине пред Христом, Который явился в нем явными знаменами (ср. Вульг. 2 Мак. 14:15), смилив себя, поведал ему о всех делах своих и из священной руки его, отслужившего пред ним мессу, принял святую Евхаристию. Он также хотел принять хабит цистерцианского ордена, но человек Господень, как – не знаю, но наверняка здравым рассуждением, отговорил его. Также Владыка папа пожертвовал необходимые средства на завершение построек (locum), где ему предстояло установить или, скорее уж, восстановить аббатство своего ордена, так как аббатство там прежде имелось, но в то время было разрушено. После этого он удерживал некоторое время слугу Божия при себе, но, поскольку тот не хотел оставаться, почтив, да и наградив, разрешил ему вернуться.

[50] Римскую курию упрекают в том, что она лицепрятна к вельможам и склонна черпать из богатств сильных мира сего – ну а тут её особо не упрекнёшь. В Петре нищем – и в этом отношении великом Петре, – не имевшем ни золота, ни серебра, она почтила лишѣнную прикрас добродетель, она на деле исповедала истинность того, о чём глаголет сведущий в нравах (ethicus) поэт:

Дешевле злата серебро, а добродетелей – злато (Гораций. Послания. 1, 1, 52).

Явился пред лицом её неимуций Пётр и даром приобрѣл благоволение (ср. 1 Мак. 10:60), не покупал, а тот, кому цари Фарсийские и острова дары приносят (ср. Пс. 71:10. – пер. П. Юнгеровой), принёс дары Петру нищему, так что и Пётр построил на скале (petram) церковь ордена своего (ср. Мф. 16:18. – пер. еп. Кассиана). Блажен Пётр, который, будучи покорен всякому человеческому существу ради Бога (ср. Вульг. 1 П. 2:13), восторжествовал над златыми горами не своей силой, но помощью Божией (ср. Дан. 8:24). Блажен и папа Римский, который, хотя и был золотой горой, вознесенной на вершину гор, тем не менее ради Бога покорился смиреннейшему из людей.

[51] К рассказанному добавлю кое-что малое, что, однако, поможет оценить нечто великое. В некой французской епархии среди духовенства возникли разногласия по поводу избрания архиерея. Там пребывал римский кардинал, чьему третейскому решению клирики готовы были подчиниться, представив ему двоих, чтобы тот, кого он назовет, был избран всеми. Кардинал спросил у Петра, кто из них ему кажется лучшим. Многие куда более благоволили второму из них, потому что он был знатен и, очевидно, состоятелен, а потому весьма желали, чтобы святой аббат поддержал его, дабы увереннее и с чистой совестью можно было возвысить того, кому столь великий муж явит свою поддержку. Он не был тростью, ветром колеблемой (ср. Мф. 11:7), не людям угождать старался, а Богу (ср. Гал. 1:10), а потому, отвечая согласно совести своей и истине, молвил: «Среди двух фальшивых монет лучшей не сыщешь».

Смутились они оттого, что Пётр презрел их [кандидатов]. И всё же не смутились [в должной мере] и, отбросив стыд, выбрали того [, кого предпочитали].

[52] Он жив по сей день, и хотя происхождением благороден, добродетелью не плодороден; и назвать его по имени было бы легко, да нет нужды: достаточно, чтобы в книге говорилось о деле, а не о свершителе.

В немногочисленных изречениях Петра можно наблюдать четыре первоначальные добродетели: как благоразумно предложил он сопоставить тех двоих по их качествам! Ведь поскольку ни тот не был хорош, ни другой, не следовало ни одного из них называть лучшим. Справедливо поступил, тем не менее тот, кто правды не скрывал в сердце своём, кто возвещал верность и спасение Божие (ср. Пс. 39:11) – правда родит ненависть (Теренций. Девушка с Андроса), и когда, говоря правду, он не боялся вызвать ненависть и лишиться расположения некоторых, то был мужествен и в себе

...Как шар, и круглый и гладкий

(Гораций, Сатиры, II.VII.86. Полностью фрагмент, описывающий свободного человека, звучит так:

Кто же свободен? – Мудрец, который владеет собою;

Тот лишь, кого не страшат ни бедность, ни смерть, ни оковы;

Тот, кто, противясь страстям, и почести и власть презирает;

Кто совмещен сам себе; кто как шар, и круглый и гладкий,

Внешних не знает препон; перед кем бессильна Фортуна!

Пер. М. Дмитриева)

Не верили слову его (Пс. 105:24), и он уступал, словно бы побежденный. Из-за этого он не затевал ссор, не предавался печали, не хулил тех, кто мыслит иначе, и тем проявлял умеренность и скромность своего сердца. Может показаться нелепой и напрасной попытка утверждать наличие в столь великом муже столь великих – то есть четырёх главных – добродетелей на таком легковесном и шатком основании, когда они многократно и многообразно яснее ясного то и дело доказываются. Но, как некто выразился, «мастерство знатока состоит в том, чтобы по малому сделать вывод о великом», что в приведенном выше примере мы – вкратце, конечно, – судя по всему, и совершили.

[53] Хотя добродетели сего мужа подтверждаются многими признаками и обнаруживаются в тех проявлениях, что мы прежде описали, всё же его терпение, которое достигается столь суровым упражнением, как смирение в унижениях, подтверждается сильнейшим доказательством, о котором мы прежде упоминали. Будучи аббатом в Вальруа, он заболел тягчайшим недугом. Каковая болезнь, обострившись, достигла верхней части головы, отчего один из его глаз его так размяк, что, превратившись в жидкость, полностью вытек и, оставив полую впадину, сделал человека Божию, уже тогда по [благодати] Божией блаженного, одноглазым. Следует внимательно рассмотрена столь суровое искушение и взвесить на весах

справедливого суждения мучительную боль, унижительное уродство, потерю зрения, лишившую его многих возможностей, и, паче всего то, что во всём этом не согрешил он и не произнес ничего неразумного о Боге (ср. Иов 1:22), но, как воспевают Святая Церковь о мучениках:

Ни ропота не изольёт, ни жалобы,

Душа в спокойной совести, но с молчаливым сердцем

Хранит терпение.

(гимн службы Часов в дни празднования мучеников. – прим. пер.)

[54] Как агнец кротчайший пред стригущим его безгласен, так и муж этот не отверзал уст своих (ср. Ис. 53:7), но онемел, и смирился, и замолчал о злом (ср. Вульг. Пс. 38:3); более того, он говаривал, что избавился от одного из своих врагов, словно бы другого [уцелевшего глаза] страшился больше, чем утраченного. Не потому, что всесовершенный муж видел в чувствах или членах тела своего противников, так как они были, скорее, орудиями правосудия Божия, но говорил он сие, конечно же, для того, чтобы утешить тех, кто тяжко переносит телесные повреждения, преображая их в себя через сострадание, уподобляясь им через смирение. Ведь он земные члены свои (ср. Кол. 3:5) подчинил постоянному труду, пламенной любви к ближнему, узам самоотречения, повелевая ими, а не служа им, пользуясь ими, а не наслаждаясь; мало того, поскольку он в их услужении для самого себя уже не нуждался, то как бы брезговал просить их вспомоществования. Ведь он, как написано о великом Мартине, превзойдя человеческую природу, услаждался созерцанием небес, присутствием и помощью Бога; и как бы [содействием] от Духа Господня умом чрез Него исходил к Нему, к Кому иные с трудом восходят чрез чувственные домыслы и телесные труды. И исполнилось на нем Писание, которое говорит: «И с простыми беседа у Бога» (Вульг. Притч. 3:32), а насколько он оказался Ему близок, явствует, помимо множества [других примеров], также из описываемого мною ниже.

[55] Когда он был ещё аббатом Иньи, братия однажды оказалась без приора, и когда он решил отложить [решение этого вопроса], некий старец, спросив о причине отлагательства, услышал от него: «Я непрестанно спрашиваю о сем Господа, а никакого ответа от Него не получаю». Назвал старец одного, кого считал подходящим. «Отнюдь не хочет сего Господь», – молвил Пётр. На основании этого можно бессомнительно утверждать, что, подобно Моисею, он говорил с Господом, как человек говорит со другом своим (ср. Исх. 33:11). Конечно, как тот взошел на гору, чтобы говорить с Господом, так и этот стоял на великой вершине, не горы, а ума, где вопрошал Господа пускай и подобно многим, однако слышал Господа подобно лишь некоторым.

[56] Но, возвращаясь к Клерво, скажем, что незадолго до смерти человек Божий Петр, которого влекли в разные стороны дела общины, приехал в Реймс. С тех пор я и встречал его и сам подолгу провожал при отъезде. Я взирал на него не менее благоговейно, не менее зачарованно, чем на ангела. Я взирал на него, и мне вспоминался великий Мартин, как его описывает Север Сульпиций, оный благородный ритор: в грубой одежде, закутанный в чёрный обвислый плащ и верхом на осле или, вернее, ослике. Сие подобие Мартина и подражатель его ездил

на лошади немногим крупнее осла. Даже скапулярий он носил подобный наплечнику бедных пехотинцев и, облачаясь в обвислую хламиду, явно более предпочитал образ бедняка, нежели аббата. Притом он был мал ростом, хрупок станом и истощён, в [проявлениях] чувств не бурный, но тихий. И, усмирив земные привязанности, погружённый в размышления, как бы отсутствуя среди присутствующих, он казался не человеком, но духом. Я таким тогда его видел, таким его узнал, такому «веровал, и потому заговорил» (Вульг. Пс. 115:1) и описал его таким.

[57] И вот, когда мы, беседуя о разных предметах, шли по улице, пыль, поднятая шагавшими впереди и несомая встречным ветром, доставляла нам неприятности. Тогда я молвил ему: «Давайте обгоним передних, чтобы избежать этой пылевой бури». – «Если мы опередим шествующих перед нами, — возразил он, — они окажутся в том же положении, что и мы сейчас, и эта мука обратится на их голову, а по заповеди о любви не подобает удручать ближнего ради собственного удобства». Признаюсь, я устыдился, обнаружив в себе своекорыстие и равнодушие к другим, а в нём – путь превосходнейший (ср. 1 Кор. 12:31), то есть большую любовь; так неужто же стал бы он чем-нибудь тяжёлым отягчать ближнего своего, коли остерегался даже легко ему досадить?

Между тем, мы шли дальше, и ни пыль не престаивала колоть нас, ни ветер – беспокоить. Поэтому я (хотя он сам несравненным душевным терпением уже одолел страдание своего тела), сочувствуя ему, но духом своим приноравливаясь к его духу, изменив осуждённое им предложение, сказал: «Улица, что ведёт нас, широка; давайте присоединимся к спутникам сбоку: так, не причинив им неприятностей, мы укроемся от пыли, вихря и бури (ср. Пс. 54:9)». Он кивнул, и мы, прогуливаясь так да о различных предметах, как уже упоминалось, беседуя, провели большую часть дня. И когда я сообразил, что мне пора вернуться, и мы уже собирались расстаться, тронутый искренней сердечной скорбью и вздохнув глубоко, я сказал: «Не так ли разделяет нас и горькая смерть?» (ср. Вульг. 1 Цар. 15:32). Не то чтобы я сказал сие, словно бы заранее знал будущее, но вышло, что будущее я предсказал. Ибо спустя немного времени престаивался он от сего мира к мира Зиждителя. О каковом престаивании я вкратце скажу на основании свидетельств присутствовавших там и на том закончу сей рассказ.

[58] И вот, когда Пётр уже несколько лет руководил клервосцами, выехал он из Клерво, взяв с собой нескольких аббатов своего ордена, и во время поездки по соседним областям тяжело захворал и стал терять телесные силы. Когда же, несмотря на его молчание, болезнь сама поведала о надвигающейся беде, приступил к нему вышеназванный Гиллеберт, который всегда заботился о нём, поскольку любил его нежно, и сказал ему: «Владыко, насколько я могу судить по твоему состоянию, близко время, когда ты уйдёшь от нас» (ср. Вульг. Тов. 5:13. В версии Вульгаты Рафаил при встрече с Товитом говорит ему: «Близко время, когда ты исцелён будешь Богом». Учитывая, что Товит страдает слепотой, полускрытая цитата приобретает дополнительный смысл. – прим. пер.). На что он ответил: «Думаю и надеюсь, что так и будет, ибо в этом году я многие молитвы излил ко Господу, да избавит меня от сего тела смерти (Рим. 7:24)». Тем временем болезнь крепчала и больного удручала. Однако добраться до Фуаньи было трудно, да и вряд ли возможно. Тогда братия решили, что ему подобает Последнее помазание, и захотели перенести его из

горницы, где он размещался, в нижнее помещение, где было бы удобнее совершить сие.

[59] Но он, кого никогда никакой труд не мог сломить и никакая боль, не поддавался и самой смерти, принудив свои изнемогавшие члены служить духу. Он встал, спустился, принял помазание, вернулся и оставался так всю ночь [и последующий день] до вечера; и когда братья уже спели повечерие, Гиллеберт по обыкновению верного друга смог уделить больше внимания своему другу, с которым ему, очевидно, предстояло немного позже расстаться, и который находился уже, казалось, при последнем издыхании (ср. 2 Мак. 3:31). Подумав о сем, аббат обители Восель, находившийся там среди прочих, разразился таковыми словами: «Что нам делать, братие?! Человек сей уходит от нас!» Услыхав то, человек Господень, поднял руку и дал знаком понять им, что преставится не сейчас, а завтра; поэтому братья приумолкли, а он всю ночь в молитвах своих вверял Господу преселение своё. Когда рассвет разогнал ночную мглу (Сульпиций Север, Диалоги, I.I.3), к нему пришли братья, коим он изо всех сил старался внушить любовь к Богу, а когда уже не смог говорить с ними, не преставал всё же молиться Господу. И вот, как жил он мирно и тихо (ср. Павел Диакон, Римская история, IX, 8), так мирно и тихо во время той самой молитвы, в каковой он исповедался Господу (ср. Вульг. Сир. 39:8), возвратил дух свой Господу, Который дал его (ср. Еккл. 12:7), – а к кому ещё мог бы пойти этот дух, как не к Духу Божию, а вернее – к Духу Господа, с Коим, соединяясь, он был одним духом (ср. 1 Кор. 6:17), к Коему многие и великие заслуги возвысили его, от Коего никакая злость не отделяла его, в ком и Дух Святой нашёл Своё подобие, более того – Самого Себя, а пагубный дух смертоносный не нашёл ничего (ср. Ин. 14:30).

[60] А как далека была от него всякая злоба и сколько было невинности в нём, то засвидетельствовал во услышание мне Гиллеберт – тот, что выше и часто упоминается, который наряду с прочими собратьями-аббатами (*coabbatibus*) выслушал его исповедь, но и без исповеди, как Псалмопевец молвит Богу, знал, когда он садился и когда вставал (ср. Пс. 138:2). Итак, он свидетельствовал, что за все прегрешения, в которых исповедовался при завершении своей жизни и которые совершил за всю свою жизнь после того, как принял монашество, на любого кающегося, говоря его словами, не полагалось бы наложить [в качестве епитимии] ничего более, чем [прочеть] «Помилуй меня, Боже» (Пс. 50) да «Отче наш». Что же касается старинной пословицы «Равные с равными легче всего сочетаются, и подобные с подобными естественным образом соглашаются», можно несомненно заключить, что это верно, потому что Петр «сей бедный и убогий в великолепие небес вступает» (респонсорий к восьмому чтению монастырской службы на праздник св. Мартина Турского. – согл. прим. лат. изд.) и вступает в общение со святыми и ангелами, житию коих и нравам подражал. Ну а теперь, когда дух по достоинству водворился, приступим к погребению тела.

[61] Некто из братии предложил вырвать один из его зубов, желая, надо понимать, сохранить его как сокровище и реликвию; и он предполагал, что сделает это легко, потому что уста покойного были открыты. Итак, подойдя, чтобы свершить благочестивую кражу, он обнаружил, что уста были закрыты и так сомкнуты, что он не смог исполнить своего намерения. Некоторые заметили это и сочли чудом, но я, насколько осмелюсь судить, так считаю, что необычайное смирение, каковое было у

него при жизни, сохранялось и после упокоения. Омыли его тельце, которое, даже будучи бездыханно, не ужас внушало, а умиление, и, положив на похоронные носилки, доставили (хотя перед смертью по смирению своему он изъявил желание быть погребенным в Иньи) всё же в Клерво. Поместили же братия Петра, как мы слышали, там же, где первым был помещён св. Бернард, по причине благоговения перед заслугами его, потому что [то] был гроб праведного («quia iusti erat monumentum» – описка, возможно, намеренная; цитата из Вульг. Ин. 19:42 звучит очень похоже: «quia iuxta erat monumentum» – «потому что гроб был близко». – прим. пер.), ведь по единогласному свидетельству некоторых, его заслуги представлялись не меньшими, чем у того [св. Бернарда]. Ведь, как я хотел бы сказать к умиротворению тех, кто думает иначе, тот [Бернард], поистине превознесённый в слове славы (ср. Вульг. Сир. 47:9) человек великого совета (св. Августин. Объяснения псалмов, XXXVIII, 11), колесница Израиля и возница его (Вульг. 4 Цар. 13:14), книжник, наученный Царству Небесному, вынесший из сокровищницы своей новое и старое (ср. Мф. 13:52), в Цистерцианском ордене, в Церкви Христовой сотворил много плода во время своё (ср. Мф. 3:8, Ин. 15:5, Пс. 1:3). Тот, повторю, светильник, горящий и светящий (Ин. 5:35), поставленный на подсвечнике, дабы светить всем в доме Божиим (Мф. 5:15), как светоч всеясный повсюду распространяет лучи сияния своего, а этот [Пётр], говоря коротко, был как уголь раскалённый, и хотя, покрытый пеплом своей нищеты, [являл] он меньше великолепия, но не меньше жара имел.

[62] И хотя было бы достаточно веры в то, что после кончины внешнего человека и погребения тленного тела внутренний его человек (то есть душа человеческая) пускай и ушёл, но не умер, однако сие подтвердилось таковым доказательством. Некий монах – приор какой-то малой обители (cellulae) – часто навещал святого мужа. Будучи уязвлен неким тяжким искушением и запутавшись в узах греха, просил он у Петра совета и помощи. Человек Господень, молвив ему слово утешения, повелел питать добрую надежду на избавление. Но когда до того [монаха] дошла молва о похоронах, он, как бы лишившись ручателя искупления своего, почти отчаявшись в своем избавлении, обратился к усопшему, словно бы к живому, и призвал исполнить своё обещание. Пока он так в дверь божественного милосердия стучался, явился ему во сне Пётр, святой Божий, и, утешая его, заявил, что он совершенно исцелён от своего искушения. Пробудившись и сочтя увиденное и услышанное сном, он, тем не менее, стал ожидать итога сего заверения. И вот, через несколько дней было объявлено, что некая особа, к которой он был привязан недозволительной любовью и от каковой он не надеялся исцелиться при жизни, почил; и, таким образом, сеть расторнута, грешник освобожден (ср. Пс. 123:7), а слово праведного исполнилось.

<...>

Заканчивается трактат дома Фомы, монаха обители Рёй, о житии досточтимого отца дома Петра, аббата Клервоского.

Перевод: Константин Чарухин

Корректор: Ольга Самойлова

Подготовлено для сайта РУСКАТОЛИК.РФ